

ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

И. А. Герасимова

ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ: ЛОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ¹

Аннотация. Проводится сравнительный анализ мотивов и механизмов выбора в процедурах принятия решений. На основании междисциплинарного анализа эволюционных, когнитивных и историко-философских аспектов делается вывод о дополнительности предсознательных и сознательных факторов, влияющих на выбор. В контексте актуальных проблем межкультурных коммуникаций, философии творчества обсуждается вопрос философского обоснования логики и роли логических средств в принятии решения. Выделяются эволюционные факторы, способствовавшие становлению определенности и сознательности в выборе. На формирование аналитического мышления оказали влияние морально-религиозные установки в зороастризме, искусство ведения полемики в античности, деятельность софистов и реакция Платона и Аристотеля, стоическое учение о чувственной предметности и значении логики. Обсуждаются возможности предметно-образного и понятийного мышления в принятии решения. Роль принципа противоречия в принятии решения усматривается в четком разделении истины и лжи, что имеет особую прагматическую ценность в жизненных ситуациях выбора. Определенность принципов классической логики складывалась в ходе когнитивной эволюции.

Ключевые слова: психология, логика, повседневность, принятие решения, мотивы, выбор, бессознательное, сознательное, эволюция, законы логики.

По некоторым данным, каждый день люди сталкиваются с проблемой выбора от 2500 до 10000 раз. В 2012 году в независимый Институт имени Эрнста Штрюнгмана проводил во Франкфурте недельный семинар, центральной темой работы которого стали два жизненных вопроса — «как нужно принимать решения?» и «как реально человек принимает решения?»². По мнению его участников, рациональные теории принятия решений в повседневной жизни неэффективны. Во многих популярных руководствах по практической психологии описывается модель поведения так называемых «рациональных оптимизаторов»: при возникновении проблемы рекомендуется конкретизировать задачу, проясняя ее возможные смыслы путем мысленного конструирования альтернативных контекстов, изучения

сценариев решения, вероятностей их реализации, возможных последствий и рисков, возможных выгод, затем после взвешивания аргументов «за» и «против» оставляется вариант с «максимальной ожидаемой пользой». Подобную стратегию участники дискуссии оценили как «старую идеалистическую теорию принятия решений». Новая теория, по их мнению, должна основываться на идеях эволюции. «Исследователи пришли к выводу, что принятие решений в основном основывается на таких сугубо человеческих факторах, как внутренние предубеждения, эмоции, надежды, заблуждения и условности. Более того, эти иррациональные факторы не мешают, а помогают нам сделать правильный выбор»³.

Многое из того, что человеком не воспринимается на уровне сознания, но действует на уровне подсознания, могло сложиться в ходе когнитивной эволюции. В рассматриваемой статье приводятся

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 11-03-00761а «Философские проблемы оснований логики»).

² Дуглас К. Выборы и думы // New Scientist. 2012. № 1-2 (14). 2012. С. 43.

³ Там же.

аргументы в пользу отобранных в ходе эволюции эвристических правил выбора, эмоциональных стратегий предпочтений, которые «позволяют сосредоточиться на значимых вещах»¹. Отсутствие логики или «противоречивая логика» в принятии решений может быть следствием использования испытанного способа «проб и ошибок»; привычки отбирать то, что подтверждает наши убеждения; влияния внутренних ощущений, нужд и потребностей, текущего психофизического состояния человека. Например, после долгой напряженной умственной работы человек начинает делать менее взвешенный выбор, влияет настроение. Приводится пример такого поведения: судьи утром в 4 раза чаще, чем вечером выпускают под залог. Исследование иррациональных факторов в принятии решения привело к выводу об эффективности использования понятия «биологической рациональности» (Алекс Качельник) при объяснении выбора в принятии решений.

Думается, что в решении любого вопроса, в том числе и вопроса «выбора оптимальной модели принятия решений» стоит идти по пути диалога рационального и иррационального. Прежде всего, различим различные сферы жизнедеятельности, в которых принимается решение. В крайне дифференцированной на сегодняшний день науке можно выделить многообразные стили мышления, и соответственно, стили решения проблем. Наиболее «рациональными оптимизаторами» среди естественников оказываются математики и физики, а среди гуманитариев — экономисты, правоведы и социологи, причем каждый «оптимально рационален» в своей области. Именно в этих областях вырабатываются и проходят отбор логически ориентированные методы научного исследования. Не только в теоретических изысканиях, но и в экспериментальной работе востребованы логические методы, но иного рода. Роль интуиции в научном исследовании столь же велика, сколь и роль логики. Способный математик может не состояться как профессионал, если он хороший вычислитель, но у него не развито интуитивное чувство правильности пути поиска решения задачи. Практику и повседневную жизнь отличает от вдумчивой науки такой первостепенный фактор как время. В деловой жизни, особенно в профессиональной работе менеджеров, брокеров, военных, водителей и пр. приходится быстро принимать решения, времени на обдумывание просто нет. В таких случаях ценится мастерство и профессиона-

лизм, которые предполагают развитость интуиции, в том числе профессионального чувства и профессиональной интуиции. Примечательно, что профессионалы-логики в своем узком кругу на семинарах часто начинают доклад с преамбулы: «у меня такая интуиция в отношении выбора данной формальной модели». Безусловно, в менее рефлексивных повседневных ситуациях важно изучать скрытые мотивы выбора и вырабатывать соответствующие модели «реального поведения», что не отменяет, а только дополняет классические «нормативные» теории принятия решений.

Поднятый вопрос о роли рациональных и иррациональных факторов в принятии решения во взаимоотношениях логики и психологии вновь и вновь возвращает нас к проблеме философского обоснования логики, к историческому противостоянию сторонников психологизма и антипсихологизма в отношении природы логики. Проблематика дискуссий вокруг психологизма в логике сосредотачивалась вокруг двух основных вопросов: сводимы ли логические законы к психологическим структурам, являются ли логические структуры моделями реальных процессов мышления²? Несмотря на весомые антипсихологические решения Канта, Фреге, Гуссерля, проблематика психологизма время от времени возникает в меняющихся культурных реалиях³. Это касается и обсуждения проблем принятия решений, встают вопросы, непосредственно касающиеся природы логического мышления и его роли в психической деятельности. Выделим ряд вопросов, на которых сосредоточимся в дальнейшем изложении. Какова роль интеллектуальной деятельности в принятии решений? Каковы особенности логического мышления и как они складывались в ходе эволюции? Как необходимость выбора влияла на становление логического мышления? Какова роль сознательных и бессознательных факторов в логическом мышлении? Какова роль и каковы области применимости логических стратегий в принятии решений?

Обсуждая проблему принятия решений в междисциплинарном ключе, стоит посмотреть на становление логического мышления в ходе эволюции. Можно отметить обстоятельство, которое обычно

¹ Там же. С. 44.

² Брюшинкин В. Н. Психологизм [и антипсихологизм] в логике // Новая философская энциклопедия. М., 2010. (<http://iph.ras.ru/elib/2489.html>).

³ Сорина Г. В. Логико-культурная доминанта. Очерки теории и истории психологизма и антипсихологизма в культуре. М., 1993.

ускользает из внимания исследователей — необходимость выбора в повседневной жизни была одним из факторов, повлиявшем на становление строгости и определенности в мышлении. В просматриваемом периоде когнитивной эволюции можно выделить два существенно отличающихся этапа — древние цивилизации и современную техногенную цивилизацию. Преобладающим способом освоения мира в архаические времена была магия и сопутствующие ей когнитивные способности. У разнообразных форм магии были общие черты. Магическое действие, с когнитивной точки зрения, предполагало проницаемость границ между внешне-физической и внутренне-психологической реальностями. Слово мага или пророка обладало силой непосредственного действия. Вера, воображение, мыслеволя — те способности, на которых зиждилось магическое искусство. В когнитивном отношении для магического искусства был характерен тип познания через отождествление субъекта и объекта. Подобный феномен сегодня относят к существенным характеристикам состояний творческого экстаза и вдохновения. Ключи к искусству магии передает формула Гермеса Трисмегиста — «все связано со всем». Если не интеллект, то что же может уловить природную всесвязность? Чувство. Именно ритмочувствующее мышление, как мне представляется, могло поддерживать магическое искусство. Символы и образы составляли когнитивный арсенал холистического типа мышления, характерного для магии и в целом для мифопоэтического восприятия древних народов.

В отличие от холистического типа мышления становящееся логическое мышление опиралось на слово и речь в аналитическом измерении. Познание через исследование, предполагавшее рассуждение, обоснование, операции анализа и синтеза — характерные черты логико-вербального мышления. В переходный от магико-холистических стратегий мышления период язык символов «переводился» на язык понятий¹. Исследователи отмечают, что античные натурфилософы скорее изобретали язык понятий и способы доказательства, чем сами проблемы. Многие значимые познавательные вопросы и принципы были переформулированы на ясном и доступном языке. Рефлексии над логическим стилем мышления связывают с деятельностью греческих софистов, Сократа, Платона, Аристотеля. Логическая

методология классической греческой философии формировалась в яром противостоянии учителям мудрости². У рационально мыслящих классиков натурфилософии вызвали раздражение заявления софистов о том, что «о всяком предмете можно сказать двояко и противоположным образом», о том, что «все на свете истинно»³ (Протагор). В масштабе культуры противостояние с одной стороны софистов, а с другой стороны Платона и Аристотеля, дало весомые плоды — логика как строгая наука зарождалась «от противного». Рефлексия над мнимыми опровержениями софистов, которые Аристотель назвал паралогизмами, в конечном счете, привела к выработке нормативных правил доказательства и опровержения.

Суть логической методологии, стремящейся к ясности, выражена в нормах классической логики — стратегии, которая основана на принципе определенности в информационном отношении. Если нам известны все условия, то мы можем описывать фрагмент реальности на бинарном языке, позволявшем оценить любое высказывание как «истинное» и «ложное». Данная предпосылка непосредственно влекла принятие принципов тождества, противоречия, исключенного третьего и достаточного основания, которые вошли в историю как законы классической логики⁴. Законы классической логики отражали такие качества мышления как определенность, непротиворечивость, последовательность. Неверно будет утверждать, что большинство ситуаций в жизни для нас представляются определенными, скорее определенность достраивается нашим умом. Значительное большинство жизненных ситуаций — неопределенно. Проясняя для себя ситуацию в целях понимания и осознания, человек создает интерпретацию, достраивая результаты чувственных наблюдений, мнения других людей и собственные жизненные убеждения и цели до мыслимой модели, конкретизирующей детали. Развитие логического метода в эволюции было вело к расширению и уточнению осознанности в принятии решений, и тем самым к ответственному рациональному поведению.

В исследованиях становления логической методологии обращается внимание на роль древнейшей игры в вопросы и ответы, которая входила,

² Кассен Б. Эффект софистики. М., 2000.

³ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 375.

⁴ Герасимова И. А. Единство множественного (эпистемологический анализ культурных практик). М., 2010.

¹ См, например: Веденова Е. Г. Противоречие и становление теоретического знания // Мысль и искусство аргументации. М., 2003.

в частности, в обряды посвящений, а также ритуальные споры. Понять глубокие смыслы символов посвящений и метафизических учений невозможно без активизации мышления и сознания. Роль стимуляторов играли порой коварные вопросы. Задав вопрос и ища на него ответ, испытуемый поневоле вынужден был думать. Вопросо-ответные игры были одной из первой поведенческих моделей принятия решений. Вопрос может быть один, но поиск ответа предлагает множество альтернативных решений, из которых нужно выбрать правильное. Искусство спора, возвысившееся в античности до уровня интеллектуальной игры, развитый Сократом метод вопрошания во многом способствовали становлению такого основополагающего для логики метода как дедукция. Согласно известному финскому логик Я. Хинтикке, в условиях фонового знания метод последовательного вопрошания и дедуктивного вывода выявляет, эксплицирует невербализованную информацию¹. На выбор окончательного ответа могут оказать влияние различные неявные факторы и предпочтения, но сам выбор ведет к линейной редукции альтернатив при условии, если выбирается наилучший вариант. Приобретая и участь на жизненном опыте путем проб и ошибок, человек часто делает интуитивно неосознанный выбор, но «обучение» на опыте позже востребует его сознание, размышления над эффективностью принятого решения. Хинтикка обращает внимание на широкую взаимозаменяемость дедуктивных и интеррогативных ходов, считая данный факт «подтверждением того положения, что искусство дедукции по существу равносильно искусству задавать вопросы»².

Таким образом, логическое достраивание, кристаллизация мысли в ментальной модели позволяет принимать осознанное решение — делать выводы и действовать, корректировать дальнейшие решения с учетом динамики жизни и определять последующие действия.

Общим местом среди исследователей стало положение о роли общественно-политических споров в становлении искусства аргументации и доказательного мышления. Безусловно, интеллектуальные

споры стали своего рода катализаторами в развитии классической логики, но в ходе когнитивной эволюции можно усмотреть менее значимые по масштабам, но не по значимости катализаторы.

Обратимся к религиозно-нормативным установкам древнейшей зороастрийской культуры. Согласно зороастрийскому вероучению, невидимый и видимый мир представляет собой арену борьбы противоположных начал добра и зла. Силами Добра и Правды руководит верховное божество Ахура Мазда (Ормазд) воплощение мудрости, благочестия, благомыслия, порядка, справедливой власти, целостности, бессмертия. Силы противоположного полюса сосредоточены вокруг злого духа Ахримана, в зороастрийском мировоззрении они покровительствуют врагам. В космическую борьбу вовлечено все сущее, невидимые силы оказывают влияние на человека, в свою очередь человек своими мыслями и поступками влияет на динамику сил добра и зла. Важно, что пассивность (ленивость, равнодушие) ведет в стан врагов. В борьбе начал человек наделен свободой выбора, за который несет ответственность. Ценность имеет именно сознательный выбор, который в когнитивном отношении поддерживается стратегией дисциплинированного мышления, не допускающего нейтрального положения между истиной и ложью, правдой и кривдой, добром и злом. Высказывание — либо истинно, либо ложно, выбор делается либо в сторону добра, либо в сторону зла. Примирения или перевода одного начала в другое не может быть: «Ормазд из-за своей доброй природы не одобряет никакого зла и лжи, а Ахриман из-за своей злой природы не принимает добра и праведности, и поэтому между ними не может быть ни какого мира и согласия („любви“»³. Классические схемы распространялись лишь на ситуацию решающего выбора, в остальных ситуациях мышление могло быть более гибким.

В период генезиса логического мышления в античности на взаимообусловленность явного и неявного в мышлении и познании, а также на взаимообусловленность сознательных и бессознательных факторов обратили внимание софисты, а детально исследовали Платон, Аристотель, стоики. В список психологических, бессознательных факторов принятия решения, который озвучили специалисты-психологи, изучавшие мотивы повседневного мышления и выбора, стоит добавить

³ Зороастрийские тексты. Суждения духа разума и другие тексты / Изд. подг. А. М. Чумаковой. М.: Восточная литература, 1997. С. 92.

¹ Хинтикка Я., Хинтикка М. Шерлок Холмс против современной логики: к теории поиска информации с помощью вопросов // Язык и моделирование социального взаимодействия. Переводы / Сост. В. М. Сергеева и П. Б. Паршина; общ. ред. В. В. Петрова. М., 1987. (<http://kk.convdocs.org/docs/index-279477.html>. 08.11.2013).

² Там же.

и рациональную бессознательность, которая проявляется в *рефлекторном мышлении* — в привычке рассуждать так, а не иначе. Именно чуткие к языку и ходу рассуждения софисты были первыми, кто довел до резкости силу логической привычки, упрощенной стандартизации мышления — то, что негативно влияет на принятие правильного решения. Разберем некоторые положения и паралогизмы, приводимые Аристотелем в его знаменитом сочинении «О софистических опровержениях».

Паралогизмами Аристотель называет мнимые опровержения, которые только кажутся опровержениями, но на самом деле таковыми не являются, поскольку содержат в себе нарочитые или произвольные ловушки и подвохи. Многочисленные ловушки можно условно подразделить на два класса — ловушки языка и ловушки логики. Задумываясь над вопросом — почему паралогизмы приводят к заблуждениям, Аристотель приходит к выводу о незрелости способности рефлексивного мышления и о незрелой чуткости к смысловым оттенкам языка, если говорить на современном языке. В детальной классификации паралогизмов и причин их мнимости он прямо указывает на изъяны в мышлении. Например, «паралогизмы от одноименности и [двусмысленности] речи вводят в заблуждение из-за неспособности различать различные значения того, что говорится»¹. Малейшие оттенки смысла синонимов, многозначность одноименных слов могут не различать при незрелых речевых способностях. В данном случае, как правило, нарушается классический закон тождества, нормативное требование к определенности и последовательности в речи: будьте внимательны к многозначности, будьте внимательны к истинностным значениям высказываниям. Аристотелевский пример: «один и тот же человек сидит и стоит, болен и здоров. Ведь именно тот, кто встал, стоит, и именно тот, кто, выздоровел, здоров»². Данный паттерн имеет многочисленные варианты. Различая временные ситуации «раньше» и «теперь», вводим имена для обозначения разных состояний, причем данные имена не взаимозаменяемы в этих контекстах. Для того чтобы обратить внимание сознания и призадуматься, нужно риторически усилить эффект, что и делает паралогизм, если его использовать в учебных целях. В паралогизмах могут не различать едва заметные оттенки сходства или различия выражений, тождества и различия,

единого и многого, просматривать эффект множественности вопросов в одном и пр.

В паралогизмах логического типа задействовано понятие следования, соединяющее посылки с последующим заключением. Аристотель в «Софистических опровержениях» исследует ряд типичных ситуаций опровержений от следования, среди которых ошибки во мнениях, опирающиеся на чувственное восприятие и выделение предметов через признаки. Доказательства от признака распространены в риторическом искусстве, но нередко приводят к ошибкам из-за неумения выделять существенные признаки, выделяющие предмет в конкретной ситуации. Следующий аристотелевский пример красноречив. Желая доказать, что данный человек прелюбодей, делают это на том основании, что он щеголь и его видели ночью шатающимся по улице³. В ряде случаев, возможно, это имело место, но для любого случая такой вывод не оправдан. Слова «значит», «следовательно» в повседневной коммуникации могут производить магическое действие из-за пиетета к строгой науке логики — создается впечатление реального следования, но часто оно оказывается мнимым.

Стоит различать логическое и прагматическое следование. Понятие «логического следования», «логической эквивалентности», «логической истины» — технические термины логической науки, их значение определяется относительно логической формы высказывания, которые задаются построением соответствующего искусственного языка. Рассмотрим пример. «Если на этом озере хороший планктон, то в нем размножается рыба. Неверно, что на этом озере хороший планктон и в нем не размножается рыба»⁴. На вопрос — эквивалентны ли два высказывания, неискушенный в логике человек станет их рассматривать по содержанию, тогда как вопрос в контексте логики предполагает рассмотрение формы высказываний, на основании ее анализа можно сделать вывод об их эквивалентности. Термины «значит», «следует» в прагматических контекстах могут соединять предшествующие рассуждения с последующими, но на вероятностных основаниях, как в случае с аристотелевским примером доказательства того, что человек прелюбодей. Доказательства или опровержения от признака распространены в медицинской диагностике, но дан-

¹ Аристотель. О софистических опровержениях // Аристотель. Соч. в 4-х т. Т. 2. М., 1978. С. 547.

² Там же. С. 538.

³ Там же. С. 543.

⁴ Сборник упражнений по логике. Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1981. С. 58.

ные приемы в данной профессиональной области доведены до значения отработанной методологии.

Рассматривая вопрос о потенциальных логических ошибках, стоит иметь в виду, что неопределенность, неточность и многозначность играют разную роль в творческом и критическом мышлении. Именно благодаря отходу от строгой дисциплинированности, жесткости и ясности зарождается свобода смыслопорождения путем комбинации значений в варьирующихся контекстах. Уточнение неясности через порождение нового контекста — путь творческого мышления. Серьезность противостоит юмору, нарочитое нарушение однозначности и законов классической логики — один из художественных приемов создания ироничных образов. В выражении «Материя бесконечна, но ее почему-то не хватает на штаны» юмористический эффект достигается смешением высокого, философского контекста с низким, повседневным контекстом, а обучающий эффект можно достигнуть, если призадуматься над причиной эффектности выражения. Продуктивное воображение предполагает спонтанность, поток свободно развивающихся мыслей, а кристаллизация мысли в языковой и логической форме придает ей четкую структуру, которая в свою очередь может быть подвергнута критической проверке. Бессознательное и сознательное, спонтанность и дисциплинированность в мышлении, поток и структуризация мысли, психические и логические факторы оказываются в отношении дополнительности, предполагая друг друга и в то же время исключая: уменьшение точности ведет к увеличению неточности и свободы.

Идеальная логическая нормативность при погружении в жизненные контексты творчески перерабатывается, обогащаясь новыми, часто непредсказуемыми оттенками. Встает проблема применимости логической нормы в конкретных контекстах. В отношении научной нормы операции определения и ее применимости на практике в свое время писал Нильс Бор: «Практическое применение всякого слова находится в дополнительном отношении с попытками его строгого определения»¹. В теории социальных эстафет эти интуиции Бора развиты М. А. Розовым, который поясняет: «в ходе практического использования слова, мы не можем его точно определить, а, давая точное определение, теряем возможность практического

использования»². Проблема достраивания смыслов общих высказываний в конкретных контекстах в разных областях знания решается выработкой соответствующий методологий³, тем не менее проблема точности теоретического анализа в гуманитарных науках остается актуальной. В «Софистических опровержениях» Аристотель обращает внимание на различие «от сказанное в целом (без оговорки, абсолютно) к сказанному относительно отдельного случая», и наоборот, «от сказанного относительно отдельного случая (с оговоркой) к сказанному в целом». Ошибки могут возникнуть в выводах из-за смешения того, что истинно только *secundum quid* с тем, что истинно *simpliciter*. Дело в том, что теоретически изыскания в гуманитарном знании часто грешат обобщенными формулировками без внимания к деталям, некритическое отношение к выводам приводит к тому, что имеют широкое распространение разного рода штампы и ложные стереотипы. В исследованиях межкультурных коммуникаций часто противопоставление ментальных особенностей культур Запада и Востока приводит к выводу о низкоконтекстных западных культурах и высококонтекстных восточных культурах. Действительно, развитие логических стратегий на Западе ведет к снижению контекстной зависимости, но тем не менее ее не снимает, как уже было показано. Штампы относительно взаимовлияния науки и культуры на Западе и Востоке анализирует Г. В. Гриненко, показывая, что и в Греции, и в Индии, и в Китае становление теоретического мышления происходило в тесной связи с религией, кроме того понятия интровертности и экстравертности культур явно относительные⁴.

В процессах принятия решения имеют значение обе стороны мышления — спонтанно-творческая и дисциплинированно-критическая. Важно различать нерелексивное, обыденное мышление и обученное, профессиональное мышление. В последнем случае достигают эффекта «дисциплинированной спонтанности», умения управлять скрытыми от интеллекта внутренними процессами психики⁵.

² Там же. С. 104.

³ Герасимова И. А. Общие высказывания: предпосылки, основания, выводы // Эпистемология и философия науки. 2009. № 2.

⁴ Гриненко Г. В. Наука и культура: парадоксы взаимодействия // Полигнозис. 2009. № 4.

⁵ Герасимова И. А. Сознание как дисциплинированная спонтанность // Бескова И. А., Герасимова И. А., Меркулов И. П. Феномен сознания. М., 2010.

¹ Цит. по: Розов М. А. Теория познания как эмпирическая наука // Эпистемология: перспективы развития. М., 2012. С. 103–104.

«Дисциплинированная спонтанность» — признак мастерства, обученной на опыте интуиции. Именно она способствует безошибочности в принятии решения в условиях ограничения времени.

Проблемы оснований логики, в том числе взаимоотношений логики и психологии, логики и риторики, обсуждались на нейтральной почве эпистемологии. В истории логико-философской мысли стоики имеют заслуги не только в становлении пропозициональной логики, идей логической семантики, но и в эпистемологическом обосновании логики. Их аргументы действенны и по сей день.

Представители стоической школы не отрицали всеобщий и априорный характер законов познания, но в конкретных познавательных ситуациях исходили из приоритета единичного перед общим. Индивидуальное, по их мысли, телесно и уникально. Если Платон в теории познания создавал навигации движения мысли от общего, повторяющегося к частному, то стоики скорее решали обратную задачу, задаваясь целью объяснить как «схватить» индивидуальную предметность во всей ее уникальности. Считается, что Зенон ввел в обиход понятие «постигающего представления». Впечатление или первичный чувственный образ становится исходной клеточкой дальнейшего познавательного движения. Как на воске отпечаток передает контуры конкретной вещи, так и чувственное впечатление отпечатывает черты уникального предмета. Впечатление верифицируется в акте одобрения или согласия, тем самым становясь «разумно оформленным содержанием первичного впечатления»¹. Разумно-оформленное «постигающее представление» или «каталептическое» представление становится критерием безошибочного восприятия чувственных объектов. Как свидетельствует Цицерон, когда представление принято или одобрено, Зенон называет его «схватыванием», проводя аналогию с соответствующим действием руки². «Схватывание» располагается между незнанием и знанием. Ложное мнение или незнание невозможно «схватить», устойчивым и необходимым знанием обладают только мудрецы. «Схватывание» предполагает активность, иначе оно не может быть «каталептическим», одобряемым. Сам акт одобрения предполагает дальнейшее раскрытие содержания представления.

¹ Комментарий А. А. Столярова // Фрагменты ранних стоиков. Т. I. Зенон и его ученики. М., 1998. С. 25.

² Фрагменты ранних стоиков. Т. I. Зенон и его ученики. М., 1998. С. 28.

Согласно Зенону, стоит доверять и чувству, и разуму. «Схватывание» «не упускает ничего из того, что ему доступно»³, оно составляет естественную основу, из которой в дальнейшем возникают общие представления о вещах, которые подлежат осмыслению разумом. Разум, оперируя общими категориями, действует конструктивно, создавая особую бестелесную, уточним — идеальную реальность внутренней речи, обращенной к внутреннему слову — смыслу. Чувственный опыт приобретает статус знания, упорядочиваясь благодаря такой дисциплине как диалектика. Диалектика включает в себя: 1) грамматику — учение об обозначаемом как звуках и буквах, составляющих слова; 2) логику — учение об обозначаемом. Ядром диалектики является семантика, «которая анализирует отношение слова-знака («выраженное слово», *λογος* *профоркос*), обозначаемого смысла («внутреннее слово» = «лектон», *λογος ενδιαθετος*, *πραγμα σημαινομενον*, *λεκτων*) и вещественного денотата (*το τυυχανον* — чувственная предметность, раскрывающаяся себя в «каталептическом представлении»⁴).

Ключевой для логического учения стоиков термин «лектон» означает смысловую структуру, предназначенную для высказывания. Тем самым проводится довольно тонкое различие между актом описания и актом оценки — «ободрением» или «неодобрением», «утверждением» или «отрицанием». Смысл может быть выражен в языке безотносительно к конкретной ситуации, в таком случае имеем дело с актом описания некоторого положения дел. Смысл-лектон мыслится как понятие внутреннего уровня, вне ситуации произнесения высказывание имеет лишь общий смысл, тогда как в ситуации произнесения оно становится предметом логической оценки — «истинно» или «ложно».

В стоической теории познания различаются иерархические уровни психики, и соответственно, познавательного процесса — от уникальных впечатлений, их первичного одобрения до обретения смыслового содержания в разумной речи. Мысль, способная выговориться, «в слове выражает то, что испытывается в представлении»⁵. Согласно «Обзору философии» Диокла Магнесийского, стоики полагают, что «постижение» может быть связа-

³ Там же.

⁴ Комментарии А. А. Столярова // Фрагменты ранних стоиков. Т. II. Хрисипп из Сол. Ч. I. Логические и физические фрагменты. Фрг. 1–521. М., 1999. С. 83.

⁵ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 284.

но как с чувственной предметностью, так и с умопостигаемой, но тем не менее телесной, — каковы, например, благо, бог, добродетель и т. п.)»¹. Можно данное утверждение рассматривать как ошибку, но если это не ошибка, то тогда стоит различить предметно-образное и понятийно-логическое мышление, а в предметно-образном мышлении выделить чувственную предметность и сверхчувственную предметность. Можно предположить по аналогии: сверхчувственная предметность представляет собой отпечаток в психике образов внутренней реальности, на языке античных натурфилософов — мира идей Платона. В таком случае интеллект занимает промежуточный слой между внешней и внутренней реальностями. Предметно-образное мышление, по Зенону, «отпечатывающее» в психике все детали предметности, ведет к истине. Заметим, что содержание «постигающего представления» может «схватываться» почти мгновенно. На языке когнитивного подхода можно сказать, что речь идет об эйдетическом мышлении, оперирующем целостными, внутренними образами — яркими и конкретными. При данной интерпретации и образно-предметный, и понятийно-логический типы мышления могут вести к истине. Встает закономерный вопрос — одобрение или оценка — дело логики или они возможны на дологическом уровне? Данный вопрос имеет прямое отношение к раскрытию механизмов принятия решений.

Исследование феноменов интерсубъективности, эмпатии ведет к выводам о понимании субъективного состояния другого человека на чувственно-интуитивном уровне, о существовании множества языков невербального типа, причем не менее богатых, чем вербальные языки. Многочисленные артефакты культуры древних народов свидетельствуют о проводимых тонких различиях в состояниях «чувственной предметности». Последнее обстоятельство может проливать свет на роль чувственно-образного мышления в архаические времена, его безошибочность в распознавании сути явлений. Результаты нейрофизиологии, когнитивистики и обобщения практического опыта психотерапевтов и специалистов по телесно-ориентированной терапии приводят к выводам о существовании «ума тела». Различают, например, энтерический разум (разум

кишечника) и сердечный разум, входящие в лимбическую систему, полевой разум². Древнейшая лимбическая система в когнитивном отношении является системой быстрого реагирования, при поступающей информации срабатывают рефлекторные механизмы, прошедшие отбор в ходе эволюции и опыта онтогенеза. «Телесный интеллект» работает быстрее, чем рассудочный, аналитический интеллект, важно то, что понятие интеллекта предполагает осуществление операций, которые на выходе выдают решение, делается выбор. В контексте этих представлений акт оценки может быть осуществлен на предсознательном уровне. По существу, выводы специалистов по НЛП подтверждают и развивают учения йогов о телесном разуме.

В вышеупомянутой статье «Выборы и думы» приводится пример «противоречивой логики» в случае процесса принятия решения, когда идет внутренняя борьба предпочтений. Когнитивный психолог Дэнни Оппенгеймер объясняет внешне-воспринимаемую непоследовательность в выборе внутренним голосованием отдельных участков мозга, которые взвешивают, например, различные качества яблок, персиков и слив по вкусу, по форме, по цвету. Выбранный фрукт может зависеть от того, какая область мозга в этот момент «громче всех высказывается». По мнению психолога, «непоследовательность скорее является побочным эффектом системы работы нашего мозга, а не полезной чертой, развившейся в нас в ходе эволюции»³. Заметим, что в арсенале средств современной логики имеется в числе прочих логика предпочтений, важным понятием которой является рациональный выбор в предпочтениях. Как правило конкуренция предпочтений оборачивается так называемой нетранзитивностью, когда А предпочитается В, В предпочитается С, а С предпочитается А. «Рациональный оптимизатор» в таком случае должен ранжировать свои предпочтения и сделать выбор. Противоречия в классическом смысле здесь нет.

Глубокое осмысление роли и смысла противоречия в мышлении, экспликации противоречия в классической логике, а также вопроса о природе законов логики происходит на рубеже XIX–XX вв.

¹ Фрагменты ранних стоиков. Т. I. Зенон и его ученики. М., 1998. С. 34. См. также: Диоген Лаэртский // Там же. С. 283–284.

² Гиллиген С., Дилтс З. Путешествие героя. Путь открытия себя. М., 2012; Дилтс Р., Делозье Дж, с участием Дилтс Д. Б. НЛП-2 поколение Next. СПб., 2012.

³ Дуглас К. Выборы и думы // New Scientist. 2012. № 1–2 (14). С. 44.

Отечественного логика Николая Александровича Васильева (1880–1940) считают одним из основоположников неклассических направлений в логике. «Эмансипация логики от влияния Аристотеля началась только в XIX в. <...> Сейчас становится все более ясным, что необходимо пересмотреть доктрину классической логики о законах мышления, углубиться в природу четырех фундаментальных законов мысли»¹. Согласно Васильеву, закон противоречия имеет два различных смысла — в отношении суждений (высказываний) — области идеальных объектов логики, и в отношении утверждений и отрицаний, то есть оценок эмпирического характера, которые относятся к самим вещам и явлениям. «Ни одно суждение не может быть одновременно истинным и ложным» стоит отличать от «невозможно нечто одновременно утверждать и отрицать». Данное переосмысление закона противоречия вполне вписывается в общий контекст научных поисков рубежа веков, которые в методологии науки привели к четкому осознанию различия между теоретическим и эмпирическим уровнями научного исследования и их относительной самостоятельности. Васильев тонко подмечает особенность телесного интеллекта, если говорить современным языком. Ощущения, связанные с эмпирическим опытом, всегда положительны, по существу язык телесных ощущений недвойственен. Например, когда говорят, что эта вещь не красная, то восприятие дает нам образ вещи иного цвета. Отрицание в реальности, отражаемой чувственной предметностью, имеет положительный смысл иного бытия. В предметно-образном мышлении нет аналитического разрыва на «да» и «нет», хотя противоположные качества фиксируются. Одобрение или оценка на предсознательном и сознательном уровнях имеют разные статусы. Можно впасть в заблуждение, если рассуждать о телесном интеллекте по аналогии с аналитическим интеллектом.

Работа польского логика Яна Лукасевича (1878–1956) «О принципе противоречия у Аристотеля» стала знаковой для логического сообщества. Заслуги Лукасевича перед логической наукой велики, один из самых значительных вкладов — создание первой системы трехзначной логики, открывшей путь новому направлению в логике — многозначным логикам, основанным на принципах, отличных

от классической логики². Вдумчивый анализ текстов Аристотеля, привел польского логика к выводу о неоднозначности и отсутствии полной ясности в понимании принципа противоречия. Согласно Аристотелю, принцип противоречия распространяется на бытие в действительности, но не имеет места в бытии в возможности. Лукасевич выделяет онтологическую, логическую и психологическую интерпретации закона противоречия. Оспаривается действительность принципа противоречия в психологической интерпретации: «не может кто бы то ни было считать одно и то же существующим и не существующим» (Метафизика Г 3 1005 b 23–24). В психологической интерпретации мы сталкиваемся с мнениями, убеждениями, верованиями, которые, по мысли Лукасевича, принадлежат к эмпирическому познанию. Добавим: а в теоретическом познании мы имеем дело с альтернативными моделями, бытием в возможности на языке Аристотеля. Критический анализ принципа противоречия и принципа исключенного третьего привел к развитию гибких систем логики, учитывающих в том числе и психологические (пропозициональные) установки. Как показывает современное развитие логики, аналитическими методами можно репрезентировать различные неклассические ситуации, но при этом не снимается значимость классической логики. Суть принципа противоречия метко выразил Лукасевич: «ценность принципа противоречия имеет не логическую природу, а практически-этическую, но эта практически-этическая ценность столь громадна, что рядом с ней логическая ценность теряется и не принимается в расчет»³. В чем же видел польский логик практически-этическую ценность принципа противоречия? В практической реализации выбора, в необходимости достижения определенности выбора при взвешивании аргументов, и главное — в отвержении обмана и лжи. Истина исключает ложь.

Возвращаясь к анализу мотивов повседневного выбора, можно сказать, что на выбор оказывают влияние и предсознательные, и сознательные факторы. Разумность же заключается в воспитании и чувства, и интеллекта.

¹ Васильев Н. А. Воображаемая (неаристотелева) логика // Бажанов В. А. Н. А. Васильев и его воображаемая логика. Воскрешение одной забытой идеи. М., 2009. С. 201.

² О вкладе Лукасевича в современную логику и философскую методологию см.: Карпенко А. С. Ян Лукасевич против Яна Лукасевич (вступительная статья) // Лукасевич Я. О принципе противоречия у Аристотеля. Критическое исследование. М.— СПб., 2012.

³ Лукасевич Я. О принципе противоречия у Аристотеля. Критическое исследование. М.— СПб., 2012. С. 186.

Список литературы:

1. Аристотель. Соч. в 4-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1978.
2. Бахтияров К. И. Логика и психогенетика с точки зрения информатики. Бестселлер в духе Льюиса Кэрролла. Изд. второе, дополненное. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
3. Березина Т. Н. Проблема добра в современной педагогике и психологии // NB: Педагогика и просвещение. 2013. № 1. С. 126–139. (URL: http://www.e-notabene.ru/pp/article_8872.html).
4. Бескова И. А., Герасимова И. А., Меркулов И. П. Феномен сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2010.
5. Герасимова И. А. Введение в теорию и практику аргументации. М.: Логос, 2012.
6. Герасимова И. А. Единство множественного (эпистемологический анализ культурных практик). М.: Альфа-М, 2010.
7. Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010.
8. Ивин А. А. Современная логика. Фрязино: «Век-3», 2009.
9. Кассен Б. Эффект софистики. М.: Университетская книга, 2000.
10. Лукасевич Я. О принципе противоречия у Аристотеля. Критическое исследование / Общ. ред., вступ. статья и примечания проф. А. С. Карпенко. М.— СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012.
11. Мысль и искусство аргументации / Под ред. И. А. Герасимовой. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
12. Противоположности и парадоксы (Методологический анализ) / Под общ. ред. И. А. Герасимовой. М.: Канон+, 2008.
13. Розин В. М. Реконструкция «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна // NB: Философские исследования. 2013. № 7. С. 287–425. (URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_571.html).
14. Свобода и творчество (междисциплинарные исследования) / Под ред. И. А. Герасимовой. М.: Альфа-М, 2011.
15. Сорина Г. В. Логико-культурная доминанта. Очерки теории и истории психологизма и антипсихологизма в культуре. М.: Прометей, 1993.
16. Сорина Г. В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность. М.: Канон+, Реабилитация, 2009.
17. Урсул А. Д., Урсул Т. А. Эволюционные парадигмы и модели образования XXI века // NB: Педагогика и просвещение. 2012. № 1. С. 1–67. (DOI: 10.7256/2306-4188.2012.1.59. URL: http://www.e-notabene.ru/pp/article_59.html).
18. Язык и моделирование социального взаимодействия. Переводы / Сост. В. М. Сергеева и П. Б. Паршина; общ. ред. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987.

References (transliteration):

1. Aristotel'. Soch. v 4-kh t. T. 2. M.: Mysl', 1978.
2. Bakhtiyarov K. I. Logika i psikhogenetika s tochki zreniya informatiki. Bestseller v dukhe L'yuisa Kerrola. Izd. vtoroe, dopolnennoe. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2013.
3. Berezina T. N. Problema dobra v sovremennoi pedagogike i psikhologii // NB: Pedagogika i prosveshchenie. 2013. № 1. С. 126–139. (URL: http://www.e-notabene.ru/pp/article_8872.html).
4. Beskova I. A., Gerasimova I. A., Merkulov I. P. Fenomen soznaniya. M.: Progress-Traditsiya, 2010.
5. Gerasimova I. A. Vvedenie v teoriyu i praktiku argumentatsii. M.: Logos, 2012.
6. Gerasimova I. A. Edinstvo mnozhestvennogo (epistemologicheskii analiz kul'turnykh praktik). M.: Al'fa-M, 2010.
7. Zinchenko V. P. Soznanie i tvorcheskii akt. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2010.
8. Ivin A. A. Sovremennaya logika. Fryazino: «Vek-3», 2009.
9. Kassen B. Effekt sofistiki. M.: Universitetskaya kniga, 2000.
10. Lukasevich Ya. O printsipe protivorechiya u Aristotelya. Kriticheskoe issledovanie / Obshch. red., vstup. stat'ya i primechaniya prof. A. S. Karpenko. M.— SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2012.
11. Mysl' i iskusstvo argumentatsii / Pod. red. I. A. Gerasimovoi. M.: Progress-Traditsiya, 2003.
12. Protivopozhnosti i paradoksy (Metodologicheskii analiz) / Pod obshch. red. I. A. Gerasimovoi. M.: Kanon+, 2008.
13. Rozin V. M. Rekonstruktsiya «Logiko-filosofskogo traktata» L. Vitgenshteina // NB: Filososfskie issledovaniya. 2013. № 7. С. 287–425. (URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_571.html).

14. Svoboda i tvorchestvo (mezhdistsiplinarnye issledovaniya) / Pod. red. I. A. Gerasimovoi. M.: Al'fa-M, 2011.
15. Sorina G. V. Logiko-kul'turnaya dominanta. Ocherki teorii i istorii psikhologizma i antipsikhologizma v kul'ture. M.: Prometei, 1993.
16. Sorina G. V. Prinyatie reshenii kak intellektual'naya deyatel'nost». M.: Kanon+, Reabilitatsiya, 2009.
17. Ursul A.D., Ursul T. A. Evolyutsionnye paradigmy i modeli obrazovaniya XXI veka // NB: Pedagogika i prosveshchenie. 2012. № 1. С. 1–67. (DOI: 10.7256/2306-4188.2012.1.59. URL: http://www.e-notabene.ru/pp/article_59.html).
18. Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeistviya. Perevody / Sost. V. M. Sergeeva i P. B. Parshina; obshch. red. V. V. Petrova. M.: Progress, 1987.